

*Юрий Черноскотов*¹

О ПЕРВОМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕ ЛОГИКИ
НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ЛГУ
В. Д. РЕЗНИКЕ (ДНЕПРОВЕ)²

Аннотация. В статье на основе архивных материалов, личных мемуаров и воспоминаний современников излагается биография первого преподавателя логики на философском факультете ЛГУ — В. Д. Резника (литературный псевдоним — Владимир Днепров). Затрагивается ранее не освещавшийся в литературе вопрос, связанный с кратковременным существованием в 1942–1944 гг. на философском факультете ЛГУ кафедры логики и психологии.

Ключевые слова: Резник (Днепров), преподавание логики, кафедра логики и психологии, ЛГУ.

Yurij Chernoskutov

ON THE FIRST LECTURER IN LOGIC
AT THE PHILOSOPHICAL FACULTY
OF LENINGRAD UNIVERSITY, V. D. RESNIK (DNEPROV)

Abstract. The paper presents the biography of the first lecturer in logic at the philosophical faculty of Leningrad State University, V. D. Resnik (pen name: Vladimir Dneprov). The story is based on archive materials, memoirs and recollections. We also consider some questions concerning the short-term existence of the chair of logic and psychology at the philosophical faculty of Leningrad University, the fact which has not been previously discussed in the literature.

Keywords: Resnik (Dneprov), teaching of logic, chair of logic and psychology, Leningrad State University.

В одном из исследований В. И. Кобзаря, посвященных истории преподавания логики в Петербургском / Ленинградском университете, содержится краткое сообщение: «В Ленинградском университете логика и история логики стали преподаваться на философском факультете при декане М. В. Серебрякове в сентябре 1943 г., когда университет еще был в эвакуации в г. Саратове. Эти курсы читал тогда доцент В. Д. Резник (псевдоним — В. Д. Днепров). Когда же университет вернулся в Ленинград, преподавать логику на философский факультет был

¹ *Черноскотов Юрий Юрьевич* — кандидат философских наук, доцент кафедры логики Института философии СПбГУ.

Yurij Chernoskutov, CSc in philosophy, assistant professor, Department of Logic, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

chernoskutov@mail.ru, ju.chernoskutov@spbu.ru

²Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 20-011-00144.

приглашен С. И. Поварнин» (Кобзарь 2009: 23–24). Как видим, впервые после двадцатилетнего перерыва в университете было возобновлено преподавание логики, и первым ее преподавателем был некий доцент В. Д. Резник. Никакой дополнительной информации об этом человеке нет ни в других публикациях В. И. Кобзаря, ни в каких-либо иных исследованиях по истории университета. Кто же это и при каких обстоятельствах он стал преподавать логику, когда университет пребывал в Саратове? Почему после возвращения университета из эвакуации он не продолжил преподавания логики? Ниже мы попытаемся отчасти восполнить этот досадный пробел в истории ленинградской логики и, как мы увидим, не только логики.

1. Жизнеописание В. Д. Резника (Владимира Днепрова)

Вольф Давидович Резник родился 11 июня 1903 г. в Киеве. Его отец, Давид Вениаминович, был рабочим, около 1917 года начал работать счетоводом, был убит немцами в оккупированном Киеве во время Великой Отечественной войны. Мать Вера работала на текстильной фабрике, потом (предположительно после рождения сына) стала домашней хозяйкой (РГИСИ: л. 99). В. Д. Резник учился в реальном училище общества преподавателей³, но весной 1918 года был отчислен из пятого класса «за сочувствие большевикам» (СГУ: л. 1)⁴. После этого он трудился чернорабочим на железодельном заводе № 5. Во время немецкой оккупации, последовавшей после Брестского мира, примкнул к комсомольскому подполью. После освобождения Киева от Деникина вступил, в апреле 1920 г., в Красную армию, участвовал в советско-польской войне сначала красноармейцем, затем политруком роты и политруком полка (СГУ, л. 1, 4)⁵. Получил несколько ранений, в том числе тяжелых, которые привели к инвалидности 2 группы: у него не сгибалась в плече левая рука. Как вспоминает А. И. Бродский (Бродский 2003), в детстве наблюдавший его на пляже, у Резника через всю грудь наискось от плеча проходил огромный шрам, он все детство верил, что это след от сабельного удара. Как выяснилось, на самом деле это был след от не очень умелой хирургической операции по извлечению попавшего в грудь осколка, проведенной в полевых условиях. Около года он провел в госпиталях, после чего был привлечен к работе в отдел политпросвещения ЦК комсомола Украины и переехал в Харьков, который был тогда столицей Советской Украины.

Среди своих харьковских товарищей по комсомолу он упоминает (Днепров

³Так В. Д. Резник указывал в анкетах. Насколько нам известно, в Киеве не было такого учебного заведения. Существовало Киевское коммерческое училище первого общества преподавателей.

⁴В автобиографиях и анкетах, написанных и заполненных во второй половине 1940-х гг., он сообщает, что учился в реальном училище с 1911 по 1918 год и окончил его.

⁵В автобиографиях и анкетах, написанных и заполненных во второй половине 1940-х гг., сообщается, что он участвовал в работе подполья и при деникинской оккупации, а в РККА вступил еще в 1919 году.

1991: 180) тов. Игната⁶, М. Югова (Ровинский), В. Касименко, В. М. Далина. Трое последних впоследствии стали слушателями исторического отделения Института красной профессуры. Югов и Касименко расстреляны в 1937 году, Игнат и Далин провели в лагерях по 17 лет, последний стал потом доктором исторических наук, почетным членом Французской академии наук за исследования по истории Французской революции.

В 1923 году Резник направляется на работу в Одесский губком комсомола. Не исключено, что в Одессе он мог познакомиться с С. А. Яновской, которая в это время была членом бюро Одесского губкома ВКП(б). К сожалению, нам неизвестны точные данные о датах перемещений обоих. В биографии Яновской сообщается, что она была командирована в Москву на учебу в Институте красной профессуры осенью 1923 года (Яновская 1982: 82). Когда именно в 1923 году прибыл в Одессу Резник, установить не удалось. В случае если он приехал туда ранее осени, а это, скорее всего, именно так, наше предположение можно усилить тем, что его харьковские товарищи Игнат и Далин, как и Яновская, во время Гражданской войны тоже были активными участниками одесского подполья. Находясь в Одессе, Резник стал членом ВКП(б), здесь он с огромными переживаниями и сочувствием вместе с молодыми товарищами следил за неудачной попыткой социалистической революции в Германии, здесь же ему стало известно о смерти В. И. Ленина.

Затем он переводится в Москву для работы в аппарате ЦК ВЛКСМ, где занимает должность зам. заведующего отделом политпросвещения. Он, в частности, был одним из лекторов на курсах подготовки пионервожатых, проходивших в Москве с декабря 1924 г. по март 1925 г. О характере его деятельности в это время говорят и некоторые публикации (Резник 1925; Зоркий, Касименко, Резник 1926).

Одновременно с работой в комсомоле, уже в 1925 году он становится слушателем подготовительного отделения Института красной профессуры, а в 1927 — слушателем его философского отделения, которое окончил в 1929 году⁷, одновременно с уже упоминавшейся С. А. Яновской. Та училась не на философском, а на естественном отделении; тем не менее, общение между слушателями ИКП было очень тесным — даже в буквальном смысле: большинство из них жило в учебном корпусе на Остоженке, 53 и в прилегающих флигелях в очень стесненных жилищных условиях. В том же 1927 году в Москву из Киева переезжает В. Ф. Асмус и начинает преподавать в Институте красной профессуры. Он руководит семинаром по Гегелю и читает лекции по истории философии (Гулыга 1984: 301). В эти годы в ИКП преподает также Б. А. Фохт — переводчик первой и второй «Аналитик» Аристотеля. Стоит напомнить, что в 1920-е гг. ИКП был элитным

---

⁶Самуил Эйнгорн: даже спустя годы, когда он переехал в Москву и занимал заметно более ответственные посты, все по-прежнему обращались к нему просто «товарищ Игнат».

⁷В работе (Долгова 2018: 88) со ссылкой на архивные документы сообщается, что Резник окончил ИКП в 1930 г., но сам он во всех анкетах указывает, что это произошло в 1929 году.

учебным заведением и при этом едва ли не единственным, где в принципе можно было получить достойное гуманитарное образование. Еще во время учебы Резник, в соответствии с заведенным в ИКП порядком, ведет преподавательскую работу в Свердловске и в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. По окончании ИКП Резник немедленно приступает к преподаванию философии в Нижегородском отделении ИКП, одновременно ведя семинары по логике Гегеля с аспирантами Коммунистической академии. Опять же заметим, что и Яновская в это время сотрудничает с Комакадемией и занимается гегелевской философией математики.

Чтобы объяснить последовавший вскоре поворот в биографии Резника, необходимо описать круг людей, с которыми он сблизился в Москве во время учебы в ИКП. Это Лазарь Шацкий, один из создателей комсомола; Тарас Костров⁸, один из первых главных редакторов «Комсомольской правды», тоже активный участник одесского подполья во время денкинской оккупации, редактировавший выпуск нелегальной газеты «Одесский коммунист» (заметим, что во время первой денкинской оккупации Одессы С. А. Яновская была секретарем подпольной газеты «Коммунист»). Именно к нему обращал Маяковский свое стихотворение «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви». Это также довольно известный философ Ян Стэн. Наконец, это Виссарион (Бесо) Ломинадзе, самый старший из них, который не так долго учился в ИКП, но был другом и единомышленником перечисленных молодых людей. Как пишет сам Резник в своих воспоминаниях, они образовали своеобразный «кружок». При этом он вполне сознательно намекает на параллели с кружками интеллектуалов дореволюционной эпохи, ссылаясь на слова В. Г. Белинского: «кружок не начинается с единства взглядов, а добывается этого единства» (Днепров 1991: 184). Интеллектуальным лидером этого кружка, как сообщает В. Днепров в своих воспоминаниях, был Тарас Костров. Несмотря на молодость, тот уже был опытным и влиятельным партийным журналистом.

Кроме того, среди людей, близких к этому кружку, он упоминает философа Н. А. Карева, с которым, по собственному выражению, он был «почти дружен» (Днепров 1991: 189). Карев и Стэн были слушателями первого набора ИКП, выпустившегося в 1924 году, по многим воспоминаниям, одного из самых ярких и богатых талантами. В то время, когда Резник был только добросовестным студентом, тратившим огромные усилия на образование и самообразование, Карев уже был профессором МГУ, а Стэн привлекался для проведения персональных занятий со Сталиным по философии Гегеля. Оба участвовали в руководстве ведущими периодическими изданиями по философии («Под знаменем марксизма», «Революция и культура» и др.) и академическими институциями (Карев был зам. директора созданного в 1929 г. Института философии, Стэн — зам. зав. Институтом Маркса и Энгельса), входили в редакцию «Философской энциклопедии».

⁸Настоящее имя — Александр Сергеевич Мартыновский.

Кроме того, все члены этого кружка были, без отрыва от учебы и преподавания, высокопоставленными штатными работниками агитпропа. Стэн в течение трех лет возглавлял сектор пропаганды Коминтерна, затем занял должность зам. зав. агитпропотделом ЦК ВКП(б); Шацкий занимался аналогичной работой в Коминтерне молодежи, Резник, как мы уже упоминали, был сотрудником отдела политпросвещения ЦК ВЛКСМ. Добавим, наконец, что Шацкий и Ломинадзе были членами ЦК ВКП(б), а Костров и Стэн — ЦКК ВКП(б). Согласно журналу приема посетителей Сталина, Шацкий в 1926–30 гг. десять раз был на приеме у Сталина по делам КИМа и другим вопросам (Чернобаев 2008: 734, 764, 770–771, 779). Костров в 1928–29 гг. принимался Сталиным четырежды (Чернобаев 2008: 638). Ломинадзе, возглавлявший Закавказский крайком ВКП(б), какое-то время рассматривался Сталиным как очень перспективный политик. Словом, это был не просто кружок студентов и преподавателей, обсуждавший философские проблемы, но группа молодых людей, которые активно влияли на политический процесс и имели заметный вес в вопросах, связанных с формированием и проведением в жизнь принципов официальной идеологии.

Этот кружок отличался отчетливой политической самостоятельностью. Его члены не были безоговорочными приверженцами Троцкого, Бухарина или иного партийного лидера. Это романтичные и бескомпромиссные комсомольцы, которые, что называется, «рубят правду-матку», невзирая на лица и чины. Так случилось и в «год великого перелома»: члены этого кружка не поддержали действий Сталина, направленных на ограничение внутрипартийной демократии, а также методов проведения индустриализации и коллективизации. В это время Бухарина, открыто выступившего против сталинского курса, обвинили в «правом уклоне» и начали постепенно смещать со всех ответственных постов. 18 июня 1929 года (за день до удаления Бухарина из президиума ИККИ) Шацкий публикует в № 137 «Комсомольской правды» статью «Долой партийного обывателя!», 29 июля в той же газете публикуется статья Стэна с вполне, казалось бы, ритуальным и бессодержательным заголовком «Выше коммунистическое знамя марксизма-ленинизма». Характеризуя тип партийного обывателя, Шацкий, в частности, пишет, что голосование за партийное решение против какой-нибудь оппозиции тот считает своей заслугой, которая должна ему сохранить чин и пост и покрыть все его вольные и невольные прегрешения. Стэн призывает молодежь не голосовать бездумно по тому или иному вопросу, но тщательно продумывать свое решение, основываясь на личном опыте и знаниях.

Эти выступления в печати вызвали резкое недовольство Сталина. В комсомольской и даже партийной прессе начинает использоваться ярлык «леваки» применительно к группе «Шацкий—Стэн—Костров». В следующем, 1930 году В. Ломинадзе имел несколько бесед с председателем Совнаркома РСФСР С. И. Сырцовым, в ходе которых оба высказывали недовольство экономической и внутрипартийной политикой Сталина. Последнему стало об этом известно, в результате

участники этих и других бесед были обвинены в создании «право-левацкого блока Сырцова—Ломинадзе». Объединенное заседание политбюро и ЦКК ВКП(б), специально посвященное «разбору дела» этого блока, состоялось 4 ноября. По его итогам было принято постановление «О фракционной работе т. т. Сырцова, Ломинадзе, Шацкина и др.». В нем, в частности, сообщается: «б) т. Ломинадзе возглавлял существовавшую в течение значительного времени фракционную антипартийную группу, в руководящее ядро которой входили Шацкий, Резник и др.» (РГАСПИ, л. 2).

Наряду с этим, параллельно с борьбой с реальными и мнимыми оппозициями в 1930 году разворачивалась и борьба на «философском фронте», во главе которой стояли печально известные М. Митин и П. Юдин. В рамках «разоблачения» группы Деборина (через пару месяцев его сторонников стали обозначать как «меньшевиствующих идеалистов»), 23 ноября состоялось, в частности, заседание общества воинствующих материалистов-диалектиков. В его резолюции были и такие слова: «ОВМД не может допустить пребывания в его рядах людей, причастных к двурушнической, предательской борьбе „право-левого“ блока против генеральной линии партии и ее ЦК». Поэтому сообщается о решении «немедленно исключить из своих рядов» В. Резника, Зонина, Я. Стэна и Н. Карева (Яхот 1991: 88).

«Оргмеры», принятые в отношении членов право-левацкого блока, были относительно мягкими. Это было их первое нарушение партийное дисциплины, и они не были замечены в связях с Троцким или другими непростительными оппозициями. В 1930 году таких нарушителей еще не подвергали уголовному преследованию по линии ОГПУ и даже не исключали из партии. Всех перечисленных вывели из состава ЦК или ЦКК и перевели на менее ответственные должности. Так, Ломинадзе сначала отправили руководить научно-исследовательским сектором Наркомснаба, а затем назначили парторгом знаменитого моторостроительного завода № 24 в Москве, Шацкина — в Центросоюз работать над планом второй пятилетки. Что же касается В. Д. Резника, то он получил устный строгий выговор (без занесения в личную карточку) и «был переброшен на работу в Саратов» (СГУ: л. 1) руководить плановым отделом местного подразделения «Союзмяса».

В течение восьми месяцев он просто подписывал необходимые в силу должности бумаги, используя рабочее время для штудирования ленинского конспекта «Науки логики» Гегеля. Потом Сталин решил наградить Ломинадзе орденом за успешное руководство парторганизацией моторостроительного завода. После получения такого известия, то ли уловив перемену политического климата, то ли получив распоряжение «сверху», секретарь саратовского обкома партии по пропаганде предложил Резнику заняться преподавательской работой в саратовских вузах (Днепров 1991: 192). Тот принимается за эту работу с огромным энтузиазмом. В 1931 г. он начинает руководить семинарами по диамату с аспирантами Всесоюзного института зернового хозяйства. Уже в следующем году совмещает эту работу с заведованием кафедрой диамата и истмата в Нижне-Волжской высшей комму-

нистической сельхозшколе им. В. И. Ленина (с 1/X 1932 по 19/XII 1934 — РГИСИ: л. 107), а затем и одноименной кафедрой в Саратовском государственном университете (с 14.06.1933 — СГУ: л. 8). Одновременно выступает с циклами лекций по истории философии, основам марксизма и др. перед научными работниками, делает доклады для горпартактива. В отзыве ВРИД зав. учебно-научной частью СГУ проф. Дмитриева отмечается, что в лекциях Резника «Красивое и живое изложение предмета умело сочетается с глубиной и основательностью оформления материала и в методологическом отношении. Публичные лекции тов. Резника для парт. коллектива и научных работников собирают аудиторию в несколько сот человек. Это служит неопровержимым свидетельством незаурядности лектора» (СГУ: л. 5). Отзыв ректора ВКСХШ более сдержан, но столь же комплиментарен: «В школе пользуется большим авторитетом, как среди профессорско-преподавательского состава, так и среди студенческих масс, за свою эрудицию и за преподавательские качества». Кроме того, здесь добавлено важное и характерное замечание: «За время преподавания тов. РЕЗНИК никаких искривлений партийной линии не наблюдалось, а наоборот его преподавание всегда заостряло борьбу против всяких уклонов от генеральной линии» (СГУ: л. 2; орфография и пунктуация оригинала).

Но все сверхположительные отзывы и характеристики едва ли имеют какой-то вес в контексте неуклонно накаляющейся политической ситуации в стране. В то время как Резник в Саратове с головой погружен в лекции, семинары и доклады, осенью 1932 года за причастность к рютинской группе «марксистов-ленинцев» арестовывают и высылают в Казахстан Стэна; через несколько месяцев под арестом оказывается и Карев, который был связан с Г. Е. Зиновьевым. Еще через два года, после убийства Кирова, начинают массово арестовывать бывших оппозиционеров, причем первый удар приходится на людей, связанных с комсомольской работой. Ломинадзе застрелился, не дожидаясь ареста. 7 февраля 1935 года Резника исключают из партии и в тот же день арестовывают (Корсаков 2012: 152). К этому времени приказом от 21 января 1935 он уже был освобожден от должности заведующего кафедрой (СГУ: л. 9). Затем происходит труднообъяснимая, но счастливая для него история. Его продержали под следствием в Суздальском политизоляторе три года, но в результате так и не привлекли к суду. В отличие от всех его упоминавшихся выше товарищей по Харьковскому комсомолу и по ИКП, которые были поголовно причастны к той или иной оппозиции, он не только не был расстрелян, но даже не получил срок. Находясь под следствием, он даже смог освоить голландский язык⁹. Дело в том, что он решил изучить некий труд Спинозы, но в тюремной библиотеке оказался экземпляр этого труда только на языке оригинала. Пришлось одновременно с философией Спинозы изучать и голландский язык.

---

⁹Устное сообщение А. И. Бродского.

Вскоре после освобождения из-под ареста, последовавшего весной 1938 года, ему разрешают вернуться к преподавательской работе и он становится доцентом Воронежского педагогического института. И здесь он оставил о себе память как о блестящем лекторе. По воспоминаниям П. В. Соболева¹⁰, Резник читал историю философии на историческом факультете и историю западноевропейского искусства на филологическом. «К тому времени (на третьем курсе) набилась на нас оскмину псевдофилософская жвачка, а он очищал концепции „немарксистских“ мыслителей от идеологических перетолкований и тем учил нас „отмывать истину“» (Соболев 2014: 151). Автор приведенной цитаты был студентом филологического факультета, но лекции Резника были столь увлекательны и содержательны, что он, как и другие его товарищи, «проникал» на его лекции, читавшиеся для студентов-философов, и «увлеченно следил за безупречной логикой его мысли» (Соболев 2014: 153).

Кроме того, в 1939 году в Воронеж переезжает супруга Резника, Екатерина Дмитриевна Трощенко. В 1930-е годы она активно участвовала в литературном процессе, являясь, например, членом правления РАПП, была известным и продуктивным литературным критиком. В августе 1936 года, в ходе кампаний по разоблачению, сопровождавших судебный процесс над «антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским центром», она была включена в число «врагов» и исключена из партии и из союза писателей. В отличие от остальных «врагов», «выявленных» тогда в союзе писателей, она непостижимым образом, как и супруг, избежала расстрела или лагеря. В Воронеже она тоже начинает преподавать в педагогическом институте. По воспоминаниям того же П. В. Соболева, она читала историю русской литературы конца XIX — начала XX вв. (Соболев 2014: 151).

В декабре 1941 года они оба эвакуируются в Саратов. Весной следующего года в этот же город эвакуируется Ленинградский университет. Резник попадает в поле зрения декана философского факультета М. В. Серебрякова, который принимает решение привлечь его к преподаванию. С 8 апреля 1942 г. он начинает трудовую деятельность в ЛГУ в должности доцента философского факультета. В течение двух лет, пока университет находится в эвакуации, Резник читает здесь курсы истории философии, истории эстетических учений, логики и истории логики (РГИСИ: л. 102). Тот факт, что он преподает логику и даже историю логики, скорее всего, объясняется тем, что преподавать их просто некому. С началом войны не только многие студенты, но и преподаватели ушли на фронт, многие из оставшихся не пережили первую блокадную зиму или не смогли уехать в эвакуацию. Согласно формуляру профессорско-преподавательского состава, в 1942 году на философском факультете числилось всего четыре преподавателя (включая декана), Резник стал пятым (еще один преподаватель появился в сентябре, об этом ниже). Поэтому обнаружение в Саратове выпускника элитного Института красной

¹⁰Выпускник ВГПИ 1941 года, впоследствии основатель кафедры эстетики и искусств в Ленинградском государственном педагогическом институте им. Герцена.

профессуры с десятилетним преподавательским стажем и репутацией блестящего лектора было очень удачной находкой. Какое-то время Резник даже занимает должность заместителя декана. 17 апреля 1944 года он защищает диссертацию на тему «Проблема трагедии в эстетике Лессинга», на основании чего 18 мая ученым советом ЛГУ утверждается в ученой степени кандидата философских наук (РГИСИ: л. 103).

К сожалению, на данный момент мы не можем осветить подробности сюжета, связанного с привлечением Резника к преподаванию в эвакуированном ЛГУ. Можем лишь указать на сообщение М. С. Кагана: «декан философского факультета М. В. Серебряков и легендарный ректор А. А. Вознесенский пригласили Владимира Давидовича работать в университете, для чтения курсов логики и истории эстетики» (Каган 1997). Подробности этой истории ждут дальнейшего исследования. Тем не менее, нельзя не отметить, что привлечение к работе бывшего оппозиционера было смелым шагом со стороны декана М. В. Серебрякова, если учесть обстановку, которая должна была сложиться вокруг Резника в Саратове. После его ареста, осенью 1935 года, проректор ВКСХШ по учебной работе И. Г. Гнусин и его заместитель А. И. Мартынов были уволены и исключены из партии. Помимо прочего, их обвинили и в том, что они допустили «засорение» преподавательского состава троцкистскими элементами, одним из которых был Резник, и не вели с ними никакой борьбы. Далее, в июне 1937 года Саратовское УНКВД «раскрыло» разветвленную «антисоветскую правотроцкистскую террористическую диверсионную вредительскую» подпольную организацию, ячейкой которой в Саратовском союзе писателей якобы руководил Иосиф Кассиль (младший брат знаменитого Льва Кассиля). Все началось с того, что И. А. Кассиль опубликовал в альманахе «Литературный Саратов» свою первую (и, увы, последнюю) повесть «Крутая ступень». Повесть была объявлена политически вредной и антипартийной. Один из коллег по Институту механизации и электрификации сельского хозяйства, где И. Кассиль преподавал марксизм, поспешил заметить на специально организованном партсобрании, что в образе одного из недопустимо неотрицательных героев повести, профессора философии, высланного из Москвы за антипартийную деятельность, выведен ни кто иной, как Резник. В итоге в соединении с другими «сведениями» следствие построило версию, согласно которой именно Резник еще в 1933 году подтолкнул И. Кассиля на путь контрреволюционной деятельности, ведя с ним антисоветские разговоры. В обвинительном заключении, в частности, утверждается: «Следствием установлено, что Кассиль И. А. встал на путь борьбы с ВКП(б) и советской властью в 1933 г., будучи обработанным право-леваком Резником» (Голицын 2017).

Предположение, что следствие связало с Резником и других участников этой мифической организации, отнюдь не выглядит искусственным. Поэтому надо полагать, что, когда через семь лет после своего ареста он вновь появляется в Саратове, это было воспринято здесь неоднозначно. С одной стороны, многие помнят

его как квалифицированного специалиста, блестящего и харизматичного лектора. С другой стороны, вряд ли для кого-то является секретом, сколь многие пострадали и сгинули из-за того, что им поставили в вину связь с Резником. Словом, М. В. Серебряков должен был принимать решение о его трудоустройстве в очень непростой обстановке.

Летом 1944 г. Резник вместе с университетом реэвакуируется в Ленинград. Здесь М. В. Серебряков привлекает к преподаванию логики С. И. Поварнина, а Резник продолжает читать историю эстетики, хотя, как сообщает Кобзарь в другой публикации, в «секции логики» он числился до декабря 1944 г. (Кобзарь 1996: 68). Стало быть, в течение по крайней мере трех месяцев этого года преподаванием логики занимались два человека — В. Д. Резник и С. И. Поварнин. Но, увы, сомнительная политическая репутация бывшего оппозиционера не забыта, и в декабре 1945 года его увольняют из университета, как сообщает М. С. Каган, по требованию первого секретаря горкома партии П. С. Попкова (Каган 1997)¹¹. После этого его основным местом работы становится Ленинградский государственный театральный институт, где он уже имел полставки совместителя с января 1945 г.; с мая 1946 г. он восстанавливается здесь на полную ставку. В этом институте он читает курсы «История эстетических учений» и «Введение в эстетику»; по совместительству он преподает в Академии художеств (с апреля по ноябрь 1946 г.) (РГИСИ: л. 106) и с ноября 1946 г. — в консерватории (СПбГК: л. 94). По некоторым воспоминаниям, в театральном институте его лекции производили большое впечатление на студентов, да и сам лектор как личность был неотразимо обаятелен. Здесь его преданными учениками стали будущие известные театроведы А. З. Юфит и Л. И. Гительман.

Но, увы, его злоключения все еще не заканчиваются. В 1948 году начинается новая волна преследований бывших оппозиционеров, которая захватила и Резника. Из Театрального института его увольняют приказом № 75 от 19/VIII с официальной формулировкой «за невозможностью предоставить работу в институте, в связи с учебным планом на 1948/49» (РГИСИ: л. 101). А из консерватории — приказом № 154 от 16/VII «как несоответствующего своему предназначению» (СПбГК: л. 81). Любопытное совпадение: из консерватории он был уволен практически одновременно с Д. Д. Шостаковичем. Заметим, что ему опять повезло, пожалуй даже без кавычек. Он не был арестован, не получил тюремный или лагерный срок, его просто отправили в Красноярский край, где он работал ночным сторожем в деревне Тюхтет. После сердечного приступа, случившегося весной 1952 года (Днепров 1991: 196) он был отправлен на лечение в Красноярск, где после выздоровления трудился оставшуюся часть ссылки нормировщиком на некотором неустановленном нами производстве. В 1954 году наконец происходит окончательное освобождение, которое последовало 30 апреля 1954 года в соответ-

¹¹В декабре 1945 г. Н. С. Попков был председателем исполкома Ленсовета. Горком партии он возглавил позднее.

ствии с указом Президиума Верховного Совета от 27 марта 1953 года (Днепров 1998: 96).

После этого он на несколько лет вновь возвращается к преподавательской работе, на этот раз в Борисоглебском педагогическом институте. В 1958 году публикует большую литературоведческую статью в «Новом мире», вскоре после этого он выходит на пенсию, переезжает в Ленинград, окончательно переходит на легальное положение и становится членом союза писателей, который выделяет ему комнату на Московском проспекте. Теперь он полностью отдается исследовательской работе. С 1960 по 1989 год им написано и издано шесть книг и обильное количество статей по литературоведению и теории искусства под псевдонимом «Владимир Днепров». В это время он интенсивно сотрудничает с М. С. Каганом, который не только очень высоко оценивает теоретические построения Днепровца, но и характеризует его как своего «большого друга и неформального учителя» (Каган 1997). Видимо, в силу уже понятных политических причин Резник по-прежнему считался не вполне благонадежным, и Каган не мог получить разрешение на его выступления в стенах философского факультета. Поэтому, как вспоминают младшие современники, когда встал вопрос о прочтении им цикла лекций о Достоевском, он приходил для этого в студенческое общежитие на ул. Шевченко, д. 25.

Нелишне отметить, что в 1960-х — 1980-х гг. Днепров был довольно заметной фигурой в культурной жизни Ленинграда. Первое время после переезда из Борисоглебска он жил в Доме писателей в Комарове, где был допущен в круг общения А. А. Ахматовой. Был хорошо знаком с Л. Я. Гинзбург, с очень известным и востребованным художником-декоратором и иллюстратором А. И. Константиновским, выдающимся театральным критиком Р. М. Беньяш, завлитом товстоноговского БДТ Д. М. Шварц¹². Несомненно, что В. Д. Резник-Днепров был не только глубоким мыслителем, но и яркой обаятельной личностью. В Ленинграде он работал преподавателем разных вузов всего четыре года, но, несмотря на последовавшее за этим 11-летнее отсутствие, несметное количество студентов и коллег не только не забыли его, но остались искренними и преданными друзьями на всю жизнь. Автор этих строк не так давно с удивлением узнал, что одним таких друзей Резника-Днепровца был и его учитель, профессор кафедры логики И. Н. Бродский, слушавший лекции В. Д. Резника, будучи студентом философского факультета ЛГУ.

В 2003 году М. С. Каган организовал небольшую конференцию, приуроченную к 100-летию В. Днепровца, но издать ее материалы так и не удалось. Моисей Самойлович посвятил ему несколько страниц в своих воспоминаниях «О времени, о людях, о себе», и небольшую статью (Каган 1997). Его взгляды, относящиеся к теории музыки, освещены в статье профессора Санкт-Петербургской консерватории Л. Г. Ковнацкой (Ковнацкая 2018). Кроме того, небольшие по объему

¹²Из личных бесед с младшим товарищем Владимира Днепровца С. Г. Гуревичем и профессором СПбГК Л. Г. Ковнацкой.

личные воспоминания о Резнике опубликовал А. И. Бродский (Бродский 2003). Сам В. Д. Резник в конце жизни, уже в годы перестройки, начал писать воспоминания, часть которых, завершающуюся его арестом, опубликовал в журнале «Звезда» (Резник 1991). Закончить их он, к сожалению, уже не успел: его жизнь прекратилась 14 апреля 1992 года.

Нам неизвестно, опубликовал ли он какие-либо результаты своих исследований по философии в 1930-х — 1940-х гг. В своей автобиографии от 27 декабря 1933 г., имеющейся в личном деле в архиве СГУ, В. Д. Резник пишет, что он закончил «большую работу о диалектике „Капитала“ Маркса» и намерен сдать ее в партиздат. Там же он сообщает, что заканчивает «обработку стенограмм курса лекций по истории философии, прочитанного для научных работников», которые планируется опубликовать «в трудах Саргосуниверситета» (СГУ: л. 1). В личном листке по учету кадров из того же личного дела (заполнен 2 января 1934 г.) он сообщает, что имеет научные труды по вопросам диалектики «Капитала» и истории философии. Тем не менее, в «Ученых записках Саратовского государственного им. Н. Г. Чернышевского университета» нет публикаций В. Д. Резника; судьба этих работ нам неизвестна. Во всяком случае, 11 апреля 1934 г. ВАК Наркомпроса отклонил его кандидатуру на ученое звание профессора по кафедре диамата «за неимением у кандидата законченных научных работ» (СГУ, л. 6). Во второй половине 1940-х годов он сообщает в двух автобиографиях (РГИСИ: л. 102, СПбГК: л. 91) о своей работе над докторской диссертацией, посвященной эстетическим взглядам В. Г. Белинского. Защитить ее до ссылки он не успел, и нам также неизвестно, закончил ли он работу над ее текстом. Можно предположить, что какие-то материалы этой незащищенной диссертации были использованы в статье «Белинский в мировой эстетике», опубликованной уже в 1989 году в книге «С единой точки зрения» (Днепров 1989).

Воспоминания В. Днепровца содержат скорее характеристику морально-политического контекста 1920-х — 1930-х гг., чем интеллектуальную автобиографию. Он ни словом не обмолвился о своих учителях в Институте красной профессуры или о своей учебе в нем. Ничего не вспоминает он и о том, что и как он преподавал в тех вузах, где ему довелось работать. Академическая составляющая его биографии в них совершенно не отражена. Тем не менее, имеющихся сведений достаточно, чтобы восстановить, хотя бы в общих чертах, эволюцию его взглядов и интересов. Высшими философскими авторитетами для него были Ленин, Плеханов и Гегель. В период, предшествовавший его аресту в 1935 году, главной темой его философских исследований была реконструкция логики (или диалектики: следуя некоторым замечаниям Ленина, он не всегда был склонен четко их различать) «Капитала» К. Маркса. После освобождения, во время работы в Воронежском педагогическом институте, видимо понимая, что его подходы и взгляды плохо стыкуются с установившимся официальным пониманием философии Маркса, он переключается на исследования в области эстетики. После второго ареста и

ссылки он полностью оставляет философские исследования, даже ограниченные эстетикой, переключившись на литературоведение. Вспоминая окончание своей ссылки, он замечает: «Я же отправился в Борисоглебск, чтобы с философии переместиться на литературоведение» (Днепров 1991: 196).

Характеристика и анализ идей В. Днепров в области литературы и теории искусства, представленные в его работах, опубликованных в 1960-х — 1980-х гг., выходит здесь за границы нашей темы, они заслуживают отдельного исследования. Но даже предварительное знакомство с ними не может не поразить глубиной теоретического осмысления и невероятной широтой эрудиции. Приведем оценку М. С. Кагана: «рассматривал он произведения романистов и драматургов не в традиционном для литературоведения ключе, а в широком культурологическом контексте, в сопряжениях искусства слова с изобразительными искусствами, музыкой, философией, с проблемами нравственности, религии, политики, и каждое из таких исследований открывало и в самой литературе, и в культуре в целом новые стороны, нераскрытые до того глубинные процессы». И далее: «его талант, эрудиция и огромная трудоспособность позволили ему одному решать задачи, доступные, казалось бы, лишь коллективу ученых разных специальностей» (Каган 1997). В том же ключе оценивает труды Днепров и Л. Г. Ковнацкая: «Литературоведческие по своей сути, они включали в себя философскую проблематику, религиоведение, психоанализ в его разветвленных теориях, историю искусства в его видах, социологию. В них западное и русское искусство, классическое и современное, свободно сопрягались, без идеологических, навязанных извне ограничений. Чтение его книг и статей было редкостно притягательным» (Ковнацкая 2018: 132). И в заключение приведу мнение А. И. Бродского, которое представляется в целом справедливым: «...книги Днепров совершенно забыты в наши дни. Но я уверен, что когда-нибудь они вернуться в культуру. Это произойдет, когда придет осознание того, что марксизм Днепров уникален в своей подлинности и архаичности» (Бродский 2003).

Подведем предварительный итог. В. Д. Резник (Днепров) вызвал наш интерес тем, что он был первым преподавателем логики на философском факультете ЛГУ. Как выяснилось, интересен он совсем другим. Осталось дождаться ответа на вопрос о том, кому он этим интересен.

2. О кафедре логики и психологии

О том, что доцент В. Д. Резник в 1942–1944 гг. преподавал в ЛГУ логику, а также и историю логики, известно из его автобиографии (РГИСИ: л. 102) и из некоторых архивных документов, обнаруженных В. И. Кобзарем. Тем не менее, по поводу вопросов, связанных с началом преподавания логики, остаются некоторые неясности. Так, в формулярах профессорско-преподавательского состава за 1942/43 и 1943/44 учебные годы в составе философского факультета, наряду с кафедрой

диалектического и исторического материализма и кафедрой истории философии, предусмотрена и третья кафедра: кафедра логики и психологии. Насколько мы можем судить, этот факт не нашел отражения в публикациях, посвященных истории философского факультета. Эта кафедра включала в себя всего две штатные единицы: заведующего кафедрой и профессора. За первым закреплены дисциплины «логика» и «история логики», за вторым — «логика» и «психология». При этом в начале 1942/43 учебного года обе должности были вакантны: в соответствующих ячейках указанных формуляров напечатано слово «вакансия» (СПбГУ: д. 650, л. 94). В. Д. Резник, согласно обоим формулярам, числится на кафедре истории философии, за ним закреплено чтение курса истории эстетических учений и руководство семинаром по новой философии. В ячейке таблицы, отведенной для записи имени человека, занимающего должность профессора кафедры логики и психологии, упомянутое слово «вакансия» зачеркнуто и рядом от руки вписано «Шемякин Анатолий Николаевич». Причем первоначально Шемякин впечатан в этот формуляр как профессор кафедры истории философии, отвечающий за преподавание тех же логики и психологии, но там его фамилия зачеркнута красным карандашом (СПбГУ: д. 650, л. 93).

А. Н. Шемякин (1891–1989) — это довольно известный советский психолог. Его биография не менее извилиста и богата сюжетными поворотами, чем биография главного героя нашей статьи, здесь мы не будем ее излагать. Заметим только, что в 1947 году он защитил под руководством Б. Г. Ананьева докторскую диссертацию на тему «Психологические воззрения Г. В. Плеханова»¹³, а в 1951 г. организовал в Свердловском государственном университете кафедру педагогики и психологии. Как было сказано выше, в 1942 году Резник стал пятым преподавателем на философском факультете ЛГУ. Шестым же оказался именно Шемякин. Тот факт, что он записан в формуляре как преподаватель логики, не обязательно означает, что так и было в действительности: многочисленные зачеркивания и дополнительные записи от руки свидетельствуют о том, что этот документ заполнялся довольно небрежно. Так, в формуляре ППС на следующий, 1943/1944 учебный год воспроизводятся, с небольшими изменениями, все данные предыдущего года, вплоть до вычеркивания Шемякина красным карандашом с кафедры истории философии и вписывания его имени от руки на место вакансии профессора кафедры логики и психологии. Но, наряду с этим, здесь вакантное место для заведующего кафедрой заполнено также вписанным от руки именем не кого иного, как Б. Г. Ананьева (СПбГУ: д. 686, л. 39–40)! Вместе с тем, известно, что Ананьев стал сотрудником университета только летом 1944 года, уже после возвращения последнего из эвакуации (Логинова 2019: 61), поэтому он ничего не мог здесь преподавать в 1943/44 учебном году; в последующем он тоже не занимался преподаванием логики. Словом, по крайней мере в эти годы, информация, содержащаяся в рассмотренных

¹³ Автор выражает признательность профессору СПбГУ Н. А. Логиновой за предоставление этих и других сведений, связанных с историей психологических исследований в ЛГУ.

документах, может не вполне корректно отражать реальное положение дел. Поэтому скудные данные, касающиеся пребывания и деятельности А. Н. Шемякина на философском факультете ЛГУ во время Саратовской эвакуации, нуждаются в уточнениях.

Наконец, некоторый итог подводит формуляр за 1945/46 учебный год. Здесь и Б. Г. Ананьев, и А. Н. Шемякин числятся на кафедре собственно психологии и ни одному из них не сопоставлена дисциплина «логика». В отличие от предыдущих, в этом формуляре появляется графа «дата вступления в должность», согласно записям в которой Ананьев трудится в университете с 5 августа 1944 г., а Шемякин — с 16 сентября 1942 г. (СПбГУ: д. 773, л. 111). Что касается В. Д. Резника, то, во-первых, обращает на себя внимание странная деталь. Как мы уже заметили, в этой разновидности документации легко допускались исправления — зачеркивания отдельных записей или дописывания. В данном случае записи во всех ячейках строки про Резника не просто зачеркнуты карандашом, но старательно заштрихованы чернилами, так что не всегда можно разобрать содержание замаскированной таким образом записи. Можно только гадать, что же заставило неизвестного служащего так усердно устранять сведения об уволенном сотруднике. Во-вторых, что более важно и интересно, сквозь эту маскировку можно разобрать, что за Резником на этот раз закреплены дисциплины «логика» и «история логики» (СПбГУ: д. 773, л. 112). Таким образом, в связи с Резником мы вынуждены сделать такое же заключение, как и по поводу Шемякина: данные о его работе нуждаются в уточнениях.

Сам факт, что в составе факультета была учреждена кафедра логики и психологии, пусть даже она существовала только на бумаге, говорит о том, что мысль о возвращении преподавания этих дисциплин витала в воздухе. Знаменитое постановление, опубликованное в «Учительской газете» в декабре 1946 г., с которым обычно связывают начало преподавания логики и учреждение соответствующих кафедр в ряде вузов, включая ЛГУ, появилось не вдруг. На протяжении 1930-х гг. происходило постепенное возвращение к традиционным академическим формам организации высшего образования (разумеется, с поправками на особенности политического режима и государственной идеологии). Учреждение философских факультетов в 1940 году было одним из проявлений этого общего процесса. Как уже отмечалось, «С 1939 г. начинается формирование общественного мнения по поводу восстановления преподавания логики» (Сохор, Тоноян 2017: 62). С большой вероятностью можно предположить, что возвращение преподавания формальной логики многими рассматривалось как нечто естественное, не требующее особых распоряжений «сверху». Появление кафедры логики и психологии на философском факультете, как я полагаю, вполне могло быть результатом обычной планомерной деятельности, и ее учреждение было осуществлено, что называется, в рабочем порядке. Только война помешала тому, чтобы эти планы были осуществлены не только на бумаге.

Более подробная история возникновения этой кафедры должна стать предметом дальнейших исследований. Это же касается и истории привлечения к работе А. Н. Шемякина и В. Д. Резника, как и в целом деятельности последнего в период его работы на философском факультете. Остается добавить, что философские, эстетические, литературоведческие взгляды Владимира Днепрова (В. Д. Резника), содержащиеся в его многочисленных книгах и статьях, совершенно не исследованы. Создается впечатление, что перед нами незаслуженно недооцененный мыслитель.

Источники

- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 3, д. 802.
 РГИСИ — Архив Российского государственного института сценических искусств, описание № 2К, дело № 26.
 СГУ — Архив Саратовского государственного университета, описание № 2, личное дело № 708.
 СПбГК — Архив Санкт-Петербургской государственной консерватории, д. 191/лдо/1935–1955.
 СПбГУ — Объединенный архив СПбГУ, ф. 1, оп. 1.

Литература

- Бродский 2003 — *Бродский А. И.* Конъюнкции и отрицания. Философский факультет конца 70-х — начала 80-х годов: фрагменты воспоминаний // *Vita cogitans*. 2003. Вып. 2. С. 62–80.
 Голицын 2017 — *Голицын А.* Кто убил Кассиля? // *Знамя*. 2017. № 6. С. 175–189.
 Гулыга 1984 — *Гулыга А. В.* Валентин Фердинандович Асмус // *Асмус В. Ф.* Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984. С. 301–304.
 Днепров 1989 — *Днепров В.* Белинский в мировой эстетике // *С единой точки зрения*. Л.: Советский писатель, 1989. С. 98–182.
 Днепров 1991 — *Днепров В.* Люди двадцатых годов // *Звезда*. 1991. № 5. С. 179–204.
 Днепров 1998 — *Днепров В.* Это было // *Распятые. Писатели — жертвы политических репрессий*. Вып. 4 / автор-составитель Захар Дичаров. СПб.: Просвещение, 1998. С. 97–113.
 Долгова 2018 — *Долгова Е. А.* Философия в Институте красной профессуры (1921–1938 гг.): институциональное оформление, методика преподавания, слушатели, профессура // *История философии*. 2018. Т. 23. № 2. С. 81–94.
 Каган 1997 — *Каган М. С.* Памяти большого ученого // *Санкт-Петербургский университет*. 1997. № 13 (3446).
 Кобзарь 1996 — *Кобзарь В. И.* Кафедра логики Санкт-Петербургского университета и история преподавания логики в России // *Вече*. 1996. № 7. С. 56–76.

- Кобзарь 2009 — *Кобзарь В. И.* Логика в России последнего столетия: основные этапы и итоги // *Философские науки.* 2009. № 4. С. 18–33.
- Ковнацкая 2018 — *Ковнацкая Л. Г.* Забытое имя и актуальные труды. Владимир Давыдович Днепров и музыка // *Артикульт.* 2018. № 31 (3). С. 131–138.
- Корсаков 2012 — *Корсаков С. Н.* Политические репрессии в Институте философии (1930-е — 1940-е гг.) // *Философский журнал.* 2012. Т. 1 (8). С. 120–170.
- Логинава 2019 — *Логинава Н. А.* Становление психологического образования и научных исследований по психологии в Санкт-Петербургском государственном университете: 1940-е — 1950-е гг. // *Научные труды Московского гуманитарного университета.* 2019. № 1. С. 59–72.
- Резник 1925 — *Резник В.* Комсомольские посиделки // *Юный коммунист.* 1925. №№ 2–3.
- Зоркий, Касименко, Резник 1926 — *Путь большевизма: пособие для самообразования низового партийного и комсомольского актива.* Вып. 1 / сост. М. Зоркий, В. Касименко, В. Резник; под ред. С. Шульмана. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926.
- Соболев 2014 — *Соболев П. В.* Я был. Я ушёл. Я с вами... // *Известия ВГПУ.* 2014. № 4 (265). С. 150–158.
- Сохор, Тоноян 2017 — *Сохор Т. Е., Тоноян Л. Г.* «Прежде всего — не складывать оружия!» (Судьба С. И. Поварнина в XX веке) // *Логико-философские штудии.* 2017. Т. 15, № 1. С. 56–68.
- Чернобаев 2008 — *Чернобаев А. А. (ред.).* На приеме у Сталина. М.: Новый хронограф, 2008.
- Яновская 1982 — *Яновская С. А.* Автобиография // *Женщины — революционеры и ученые* / ред. И. И. Минц, А. П. Ненароков. М.: Наука, 1982. С. 81–82.
- Яхот 1991 — *Яхот И.* Подавление философии в СССР // *Вопросы философии.* 1991. № 10. С. 72–138.